

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(1), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Райскина В. А. Языковые маркеры литературы идей в философско-рефлексивной парадигме (на материале «Опытов» М. Монтеня) / В. А. Райскина // Научный диалог. — 2026. — Т. 15. — № 1. — С. 88—107. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-88-107.

Rayskina, V. A. (2026). Language Markers of Idea Literature in Philosophical Reflexive Paradigm: A Case Study of Michel de Montaigne's "Essais". *Nauchnyi dialog*, 15 (1): 88-107. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-88-107. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Языковые маркеры литературы идей в философско- рефлексивной парадигме (на материале «Опытов» М. Монтеня)

Райскина Валерия Александровна

orcid.org/0000-0003-0610-6458

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры романских языков
и лингводидактики
rayskinav@mail.ru

Московский городской
педагогический университет
(Москва, Россия)

Language Markers of Idea Literature in Philosophical Reflexive Paradigm: A Case Study of Michel de Montaigne's "Essais"

Valeria A. Rayskina

orcid.org/0000-0003-0610-6458

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Romance Languages
and Linguodidactics
rayskinav@mail.ru

Moscow City University
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выполнен анализ языковых маркеров литературы идей в философско-рефлексивной парадигме на материале «Опытов» М. Монтеня. Актуальность исследования определяется необходимостью в формализации критериев выделения текстов «литературы идей» посредством выявления языковых средств, отражающих рефлексивную природу и тезисно-аргументативную структуру текста. Применен лингвоаксиологический подход, проведен контент-анализ для выявления средств вербализации онтологических концептов, тезисов и приемов их аргументации. Материалы для анализа извлечены из онлайн-корпуса MonLOE, который предоставляет доступ к цифровой версии рукописей «Опытов» 1588 года, возможности для автоматического поиска и анализа языковых единиц. Используется термин *эссема*. Под *эссемой* понимается оценочная конструкция, вербализующая субъективные аксиологические истины. Показано, что в рамках литературы идей ключевые эссемы реализуют функцию субъективации смысла онтологических концептов: MORT (смерть), HOMME (человек), RAISON (разум), NATURE (природа, бытие), SAVOIR (знание), MONDE (мир), USAGE (привычка), VERTU (добродетель), VÉRITÉ (истина). В ходе описания особенностей текстовой модальности эссе как рефлексивного жанра на примере «Опытов» М. Монтеня в контексте литературы идей выделены афористичность, экзemplификация, интертекстуальность и апелляция к авторитету как эффективные аргументативные приемы. Новизна исследования видится в выявлении и систематизации языковых механизмов концептуализации идеи в философском эссе в диахроническом измерении.

Ключевые слова:

литература идей; рефлексивный дискурс; эссема; тезис; аргумент; онтологический концепт; Монтень.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates language markers of idea literature within a philosophical reflexive paradigm using the material from Michel de Montaigne's "*Essais*". The relevance of this research lies in formalizing criteria for identifying texts belonging to "idea literature" by examining linguistic means that reflect their reflective nature and thesis-driven argumentative structure. Employing a linguoaxiological approach, content analysis was conducted to identify verbalizations of ontological concepts, arguments, and persuasive techniques. Data were extracted from the online corpus MonLOE, which provides access to digital manuscripts of the 1588 edition of "*Essais*", enabling automated search and analysis of linguistic units. The term *essema*, defined as an evaluative construction expressing subjective axiological truths, is introduced. It is demonstrated how key *essemas* function to subjectivize meanings of core ontological concepts such as DEATH (*mort*), MAN (*homme*), REASON (*raison*), NATURE (*nature*), KNOWLEDGE (*savoir*), WORLD (*monde*), CUSTOM (*usage*), VIRTUE (*vertu*), TRUTH (*vérité*). Through detailed examination of textual modality features characteristic of essays as a reflexive genre — such as aphoristic expression, exemplification, intertextuality, and appeals to authority — the study highlights effective rhetorical strategies employed in Montaigne's work. The novelty of this investigation resides in uncovering and systematizing linguistic mechanisms underlying conceptualization processes in philosophical essays across diachronic dimensions.

Key words:

Idea literature; reflexive discourse; *essema*; thesis; argumentation; ontological concept; Montaigne

УДК 811.133.1'42::141.1

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-1-88-107

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Языковые маркеры литературы идей в философско-рефлексивной парадигме (на материале «Опытов» М. Монтеня)

© Райскина В. А., 2026

1. Введение = Introduction

В современном жанроведении выделяется два вектора дефинирования термина *литература идей* (*literature of ideas*, *littérature d'idées*), обозначающего литературоведческое направление: философско-рефлексивный (представлен в русско- и франкоязычных исследованиях) и фантастический (англоязычная традиция). Отметим при этом, что выражение *литература идей* не зафиксировано в научных публикациях на русском языке. В англоязычном научно-публикационном пространстве терминологическое сочетание *literature of ideas*, напротив, представлено редкими публикациями, посвященными рассмотрению особенностей произведений научной фантастики конца XX века. Видится, что понятие «литература идей» не теоретизировано и не имеет терминологической фиксации в научном дискурсе: несмотря на широкое употребление выражения *literature of ideas*, его содержательное наполнение остается неоднородным и порождает фундаментальное расхождение в понимании жанровых маркеров данных текстов. Ввиду этого научная проблема данного исследования заключается в необходимости уточнения дефиниции и функциональной типологии литературоведческого направления *литература идей*, а также в установлении его лингвопрагматических маркеров.

Степень исследованности текстов, относящихся к *литературе идей*, неоднородна. Затрудняет концептуализацию данного понятия факт, что в русскоязычных публикациях *литература идей* фактически не теоретизируется, а лишь упоминается в исследованиях, посвященных различным литературным жанрам от фантастики и фэнтези [Ефимова и др., 2018] до философской прозы [Камнев, 2002]. В зарубежных публикациях данному понятию посвящен ряд исследований в историко-литературных, методических и эссеистических контекстах [Gray et al., 1994; Costentin et al., 2000; Gilks et al., 2003].

Актуальность настоящей работы определяется необходимостью комплексного лингвокогнитивного анализа текстовых маркеров литературы идей как особого типа рефлексивного дискурса в условиях современного интереса к трансдискурсивным жанрам. Анализ «Опытов» М. Монтеня как архетипического текста, который можно отнести к *littérature d'idées*, позволяет выявить истоки и механизмы порождения данного типа дискурса. В исследовании впервые предпринимается попытка описательного уточнения дефиниции понятия «литература идей» как рефлексивного дискурса с аргументативной структурой и онтологической тематикой. Применение методов корпусного и лингвоаксиологического анализа к классическому тексту позволило эмпирически выявить и структурировать языковые маркеры текста литературы идей.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования языковых маркеров текста литературы идей послужило издание «Опытов» М. Монтеня 1588 года, размещенное в корпусе MonLOE [MonLOE], который предоставляет доступ к тексту рукописи, а также к инструментам автоматического поиска лексических единиц и их частотного анализа. Процедура анализа языковых маркеров включает: 1) выделение онтологических концептов и выявление контекстов их субъективации через эссеи; 2) исследование параметров тезиса как текстопорождающего элемента; 3) описание аргументативных приемов и тактик.

Классический подход предполагает включение в круг произведений, относящихся к направлению «литература идей», текстов, в которых основное внимание уделяется выражению философских, социальных или политических концепций. Исследование философских вопросов и интеллектуальных проблем в прагматике автора опережает сюжетные, персонажные или эстетические характеристики произведения. В произведении ключевое значение приобретает идея, ее концептуализация и проблематизация, то есть глубокая диалектическая аргументация зачастую противоположных положений философской проблемы.

На заре XIX века французская писательница и теоретик литературы с признанием в Европе Мадам де Сталь устанавливает границу между *littérature d'idées* (литература идей) и *littérature d'imagination* (литература воображения); к последнему относится *littérature de fiction*, сохраняющая философскую глубину именно за счет художественного измерения [Lottégie, 2004, p. 20; Авраменко, 2021, с. 121]. В концепции дискурсивных жанров французского литературоведа Ж. Женетта *литература идей* получает косвенное определение как часть *discours argumentatif* (аргументативная речь) [Genette, 1979] в противопоставлении ее повествовательным и дра-

матическим жанрам по принципу приоритета рефлексии над нарративом и эстетикой. Ранее в сборнике статей «Figures III» [Genette, 1972] Ж. Женетт обращался к эссе как к примеру гибридного жанра на границе литературы и философии, в котором художественный стиль подчинен потребности выражения идеи и аргументации в субъективном высказывании. Французские литературные критики Ф. Грей и А. Тибоде пишут о том, что судьба французской литературы с XVI века — стать литературой идей, имея в виду литературу конфликта идей, противоречия и диалога [Gray et al., 1994, p. 183]. Таким образом, можно говорить об особом эссеистичном модусе выражения идей. Наконец, в обзорном исследовании классической французской литературы *littérature d'idées* сближается с такими понятиями и характеристиками, как *réflexions morales* (размышления о морали и нравственности), *littérature savante* (научная литература в общем смысле понятия) и *réflexion scientifique* (специализированные научные размышления) [Dubois, 2016, p. 146].

Литература идей близка философской прозе и эссеистике, строящейся на субъективной авторской рефлексии в поиске конструирования собственного понимания бытия и человека. В философском понимании литературу идей характеризует выраженная диалогичность, влияние на читателя, вовлечение его в интеллектуальный диалог с автором. Таким образом, целью литературы идей становится не аргументированное убеждение читателя, а создание произведения, обладающего коммуникативным и интеллектуальным потенциалом, способного стимулировать читательскую рефлексию и дискуссию. В то же время литература идей обладает значительным художественным потенциалом: традиционно относимые к данному направлению романы Ф. М. Достоевского содержат не только концепцию, но и «драму идей» [Камнев, 2002]. Литература идей представляет собой скорее характеристику: она принимает различные текстовые и жанровые формы, а связующим выступает рефлексивная направленность содержания текста. Примерами литературы идей в данном понимании могут служить тексты Платона, Т. Мора, М. Монтеня, Б. Паскаля, Ф. де Ларошфуко, Ж. де Лабрюйера, Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, Ницше, А. Камю и Ж.-П. Сартра.

Вместе с тем в XIX—XX веках литература идей находит свое новое воплощение в научно-фантастическом жанре произведений, авторы которых использовали элементы фантастики для моделирования альтернативных миров и ситуаций, позволяющих исследовать философские и социальные концепции в новом свете. Такой подход свойственен американским литературоведческим школам и представляется спорным для отечественных исследователей: в частности, российский литературовед В. Л. Гопман замечает, что научная фантастика не имеет отношения к литературе идей, поскольку направлена на постижение результатов научных и технических сдвигов

[Ефимова и др., 2017, с. 185]. В труде по истории фантастической литературы [Gills et al., 2003] *литература идей* определяется через жанры так называемой *speculative fiction* (спекулятивная / умозрительная / литературная фантастика) — это произведения, чей хронотоп представлен вымышленным миром. Объединяющим фактором фантастики как литературы идей является сюжетно-тематическая направленность произведений на исследование человеческого бытия в новых условиях и контекстах существования, создаваемых благодаря (или по вине) научно-техническим изменениям.

Впервые отнесенная к литературе идей американской писательницей П. Сарджент (Pamela Sargent) в 1975 году [Leavitt, 1989, p. 20], научная фантастика исследует новые идеи и концепции, основанные на кардинальных изменениях в научных взглядах, происходящих в результате научной революции. В этом видится сужение классической философской трактовки *литературы идей*: элементы фантастического также служат средством постижения бытия, но уже бытия фиктивного, гипотетического. Литература фантастических идей также связана с рефлексией в отношении человечества и действительности, однако направлена не столько на аргументацию авторской концепции, сколько на расширение универсума бытия и его понимания за счет создания нового миропорядка. Объединяющим параметром жанра становится философский (мысленный) эксперимент, целью которого является конструирование оригинальной концепции мира, а также обоснование законов данного воображаемого бытия [Кожевников и др., 2017, с. 130—131]. Таким образом, сохраняется философская проблематика и рефлексивная направленность литературного произведения в силу того, что в фантастическом контексте затрагиваются экзистенциальные, этические, политические проблемы и вопросы, касающиеся определения ценностей. К литературе идей в фантастическом осмыслении относят произведения М. Шелли, Э. А. По, Ж. Верна, Г. Уэллса, А. Азимова, С. Лема, Е. Замятина, О. Хаксли, Дж. Оруэлла и Р. Бредбери.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Эссе как рефлексивный жанр: «Опыты» в контексте литературы идей

Важным в контексте исследования проблемы представляется мнение литературных критиков А. Тибоде и Г. Флойда, называющих переходную эпоху XVI—XVII веков моментом зарождения *littérature d'idées*, которая становится прямым наследием «Опытов» М. Монтеня: «C'est avec les Essais de Montaigne que la littérature française assume le rôle d'une littérature d'idées» // С появлением «Опытов» М. Монтеня французская литература приняла на себя роль литературы идей (перевод наш. — В. Р.) [Gray et al.,

1994, р. 180, 183]. Надо полагать, авторы относят «Опыты» М. Монтеня к текстам литературы идей в рамках «философско-рефлексивного» понимания данного направления ввиду наличия в тексте ключевых маркеров:

- онтологические концепты как текстообразующая доминанта;
- тезисность;
- аргументативность.

3.1. Онтологические концепты как текстообразующая доминанта

Онтологические концепты описывают общие основания картины мира, к которым относятся БЫТИЕ, ЖИЗНЬ, ЧЕЛОВЕК, ПОЗНАНИЕ, ЦЕННОСТЬ и производные. В структуре концептуальной картины мира онтологические (или экзистенциальные) концепты представляют собой универсальные мыслительные категории, актуализирующие ценности бытийного плана. Поскольку автор «Опытов» сосредотачивает порождаемый рефлексивный дискурс на философских размышлениях, интеллектуальном поиске и анализе человеческой природы, первостепенной становится роль эссе — субъективированного сочетания конкретного образа и составляющей его идеи [Иванов, 2017, с. 58]. Эссеи формируются посредством использования оценочных конструкций, вербализующих субъективные аксиологические истины [Retrospective semiometrics ..., 2020, р. 170], и играют ключевую роль в субъективации смысла концептов, прежде всего онтологических, представленных в авторском тексте. Через такие субъективированные концепты «автор акцентирует внимание читателя на неординарности своего восприятия» [Эпштейн, 1988, с. 81]. «Опыты» можно отнести к типу произведений, в которых представлен ретроспективный монолог как способ фиксации памяти: автор стремится к аналитической оценке и интерпретации фактов и событий произошедшего [Tivyaeva, 2021, р. 175].

По результатам частотного и контент-анализа текста «Опытов» представляется возможным выделить в монтеневском рефлексивном дискурсе следующие эссеи: MORT (СМЕРТЬ), HOMME (ЧЕЛОВЕК), RAISON (РАЗУМ), NATURE (ПРИРОДА, БЫТИЕ), SAVOIR (ЗНАНИЕ), MONDE (МИР), USAGE (ПРИВЫЧКА), VERTU (ДОБРОДЕТЕЛЬ), VÉRITÉ (ИСТИНА). В рамках литературы идей автор переходит от наблюдения и описания к рефлексии и концептуализации. Формирование и трансляция авторской идеи реализуются посредством контекстуализации онтологических концептов на уровне высказывания с оценочным потенциалом:

(1) *La mort est plus abjecte, plus languissante et penible dans un lit qu'en un combat* // Смерть более отвратительна, медленна и тягостна в постели, чем на поле битвы [Монтень, 2015].

(2) *L'homme en tout et par tout, n'est que rapiessment et bigarrure* // Человек во всем и везде — ворох пестрых лоскутьев [Там же].

(3) *La raison humaine est un glaive double et dangereux* // Разум человеческий — меч обоюдоострый и опасный [Там же].

Примечательно, что доминантной эссеюй литературы идей XVI века становится ЧЕЛОВЕК: гуманистическая парадигма эпохи Ренессанса антропоцентрична, так как направлена на познание человека, его бытия и сущности. Одними из первых исследователей литературы идей во Франции замечается, что развитие данного направления напрямую связано с появлением «*le livre d'un homme*» (книга человека или книга про человека), у которой нет иной цели, кроме как рассказать свою историю [Gray et al., 1994, p. 183]. Замечаем аллюзию на содержащиеся в «Опытах» оценки автором прагматики собственного труда:

(4) *Je peins principalement mes cogitations* // Я изображаю главным образом мои размышления [Монтень, 2015].

(5) *Ma vie, que j'ay à peindre, je l'ay toute devant moy* // Жизнь моя, которую я стремился изобразить, вся у меня перед глазами [Там же].

Вербализуется аксиологическое содержание эссеи ЧЕЛОВЕК, которое включает представления автора о природе и поведении человека. Контент-анализ позволяет выявить ассоциированные концепты: RAISON (РАЗУМ), HONNEUR (ЧЕСТЬ), VÉRITÉ (ИСТИНА), VERTU (ДОБРОДЕТЕЛЬ), PASSIONS (СТРАСТИ), FORTUNE (УДАЧА), SAGESSE (МУДРОСТЬ), JUGEMENT (СУЖДЕНИЕ), DOULEUR (БОЛЬ), PLAISIR (УДОВОЛЬСТВИЕ), COURAGE (МУЖЕСТВО), IMAGINATION (ВООБРАЖЕНИЕ), LIBERTÉ (СВОБОДА), VOLONTÉ (ВОЛЯ). В рамках парадигмы ренессансного гуманизма М. Монтень представляет свободу, разум и добродетель абсолютными человеческими ценностями, порождая, таким образом, новое идейное представление о сущности человека в картине мира переходного исторического периода.

На паратекстовом уровне эссеи проявляются в заголовках отдельных эссе, имеющих в 71 % глав структуру [de + эссеа]: *De la constance, De l'aage, De la conscience, De la gloire*. Представленные в названиях глав эссеи репрезентируют ключевые направления монтеневской рефлексии, формируя круг идей, вокруг которых выстраивается текст «Опытов». Анализ эссеи заголовков позволяет заключить, что писатель стремится выразить свою субъективную точку зрения в отношении общекультурных и философских понятий, подразделяя их на оцениваемые положительно и отрицательно. С одной стороны, представлены концепты, в структуре которых превалирует положительная оценочная сторона: COUSTUME (ПРИВЫЧКА), MODERATION (УМЕРЕННОСТЬ), SOLITUDE (ОДИНОЧЕСТВО), INCERTITUDE (НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ). Таким образом, постоянство, привычка, умеренность, одиночество и случайность становятся

элементами ценностной картины мира автора. С другой стороны, отрицательно-маркированным становится концепт GLOIRE (ЧЕСТЬ), который подвергается переосмыслению, переходя из концепта в эссею. Так, RAGE (ЯРОСТЬ) рассматривается не только с позиции человеческих страстей, но и как возможный путь к освобождению и миру:

(6) *Donnons à chacune sa course, nous voylà tousjours en paix* // Если одна сторона охвачена гневом, дадим ей разрядиться, и тогда мир всегда будет обеспечен [Там же].

Исходя из этого заключаем, что авторская рефлексия направлена на формирование идей новой, гуманистической философии, поднимающей фундаментальные вопросы онтологии, гносеологии и аксиологии.

3.2. Тезисность

Литературное произведение Ренессанса может быть классифицировано как пример *littérature d'idées* в том случае, если в его основе лежит рефлексивная деятельность и аргументативный тезис. В рамках гуманистической культуры разума и рациональности условием порождения текста становится аргументация в связи с выходом на первый план аксиологического ракурса дискурса — в данной парадигме аргументативность позволяет «сосредоточиться на значимости не только норм (конвенциональность), но и (личных) предпочтений (неконвенциональность)» [Фанян, 2016, с. 9]. Под *аргументацией* понимается логико-коммуникативный процесс, включающий тезис, аргумент и демонстрацию их взаимосвязи, «служащий обоснованию определенной точки зрения» [Нарциссова и др., 2022, с. 92]. *Аргументация* заключается в приведении доводов (аргументов) с целью изменить убеждения собеседника и способствовать принятию им тезиса (система утверждений) [Философия ..., 2004, с. 57].

В «Опытах» М. Монтеня типично апеллирование к философскому тезису как к отправной точке текста отдельных эссе. Тезис представлен в паратексте произведения и выполняет ориентирующую функцию, указывая на тематику аргументации в данной главе. Например, название главы I книги I:

(7) *«Par divers moyens on arrive à pareille fin»* // «Различными средствами можно достичь одного и того же» [Монтень, 2015] —

содержит авторский тезис о том, что разнообразие человеческого поведения доказывает непостоянство и изменчивость сущности человека.

Книга I, глава 15:

(8) *«On est puny pour s'opiniastrer à une place sans raison»* // «За бессмысленное упрямство в отстаивании крепости несут наказание» [Там же] —

озаглавлена тезисом о неотвратимости наказания за упрямство.

Аналогична структура заголовка других глав «Опытов»:

(9) *«Le profit de l'un est dommage de l'autre»* // «Выгода одного — ущерб для другого» [Там же];

(10) *«La fortune se rencontre souvent au train de la raison»* («Иногда случай сам все делает как надо» [Там же].

Тезис выступает текстопорождающим элементом ввиду его способности в сжатой, предельно концентрированной форме актуализировать глубинные философские интенции автора, структурировать авторскую рефлексию и концептуализировать ключевые идеи. На уровне высказывания (*énonciation*) тезис реализует прагматическую установку автора на проблематизацию явлений человеческого бытия, выступая семантическим ядром текста. Тезис представлен во вступлениях к главам в синтаксической форме простого повествовательного утвердительного предложения, например:

(11) *La mort nous acquitte de toutes nos obligations* // Смерть освобождает нас от любых обязательств [Там же].

(12) *La vaillance a ses limites, comme les autres vertus* // Храбрости, как и другим добродетелям, положен известный предел [Там же].

Наряду с этим тезис в заключении главы организует *закольцованную структуру* текста и реализует такие установки, как подтверждение валидности авторской идеи и резюмирование его философской позиции, например:

(13) *Nostre propre et peculièr condition est autant ridicule que risible* // Наши природные и благоприобретенные свойства столь же нелепы, как и смешны) [Там же].

Наряду с синтаксической завершённостью и логической цельностью отмечается афористичность тезиса, благодаря чему такое высказывание выполняет функцию аксиологического вектора. Афоричность свойственна ренессансному тексту, который был создан в *культурогеенную эпоху*, испытывающую потребность в распространении нового мировоззрения, морали и системы ценностей. В частности, широко представлены тезисы-афоризмы с фундаментальным глаголом состояния-бытия *être*, который функционирует как предикативный механизм констатации, выступает «базовой единицей языковой категоризации» [Полифункциональность ..., 2018, с. 27]:

(14) *La mort est moins à craindre que rien* // Страху смерти подобает быть ничтожнее, чем ничто [Монтень, 2015];

(15) *les plus belles âmes sont celles qui ont plus de variété et de souplesse* // лучшие души — те, в которых больше гибкости и разнообразия [Там же].

В рамках тезисных высказываний глагол *être* выступает средством выражения суждения о сущности явления, вводя новую аксиологическую или концептуальную категорию, формируя авторскую дефиницию:

(16) *Leur plus universelle qualité, c'est la diversité* // Наиболее устойчивым свойством всех человеческих мнений является их несходство [Там же].

Элементы индивидуального знания представлены в тезисах, которые посредством своей бинарной структуре определяют вектор дальнейшей аргументации:

(17) *La parole est moitié à celui qui parle, moitié à celui qui l'écoute* // Произнесенные слова принадлежат наполовину говорящему, наполовину слушающему [Там же].

(18) *Le profit de l'un est dommage de l'autre* // Выгода одного — ущерб для другого [Там же].

3.3. Аргументативность

Переходя к аргументативной природе «Опытов», отметим, что данный текст характеризуется рефлексивно-аналитической направленностью, типичной для *литературы идей*. Она объединяет различные произведения, аргументирующие поднимаемые автором проблемы. Цель таких сочинений состоит в том, чтобы донести идею автора посредством языковых средств и структур, позволяющих защитить, опровергнуть или транслировать тезис. При этом М. Монтень не предлагает окончательных решений, а размышляет и сомневается: переменчивость аргументативного механизма позволяет «расширить референциальное поле философской проблемы» [Фанян, 2016, с. 11]. Сомнение выступает как ключевой познавательный механизм, отражающий ограниченность человеческого разума и недоверие к догматическим истинам: *...nous avons pour nostre part l'inconstance, l'irresolution, l'incertitude* // ...наш удел — это непостоянство, колебания, неуверенность [Монтень, 2015]. Для автора сомнение стимулирует рефлексию и критическое отношение к знанию, становясь условием подлинного философствования. Поэтому своими «любимыми» словами М. Монтень называет вводные и модальные конструкции, выражающие значения неуверенности, предположения, гипотетичности и аппроксимации: *a l'avanture* (может быть), *aucunement* (по всей вероятности), *on dict* (говорят), *qu'est-ce à dire?* (что это значит), *il pourroit estre* (может быть), *est-il vray?* (возможно ли это). Данные языковые средства формируют эпистемическую рефлексию, вводя субъективную оценку степени понимания или уверенности. В тексте представлены субъектно-предикативные структуры с семантикой неуверенности и незнания: *«Je ne sçay pas qu'elle soit vraye»* // Не знаю, справедливо ли это суждение; *...je ne sçay cependant si* // ...и все же я не уверен [Там же]. Данные конструкции служат средствами семантической маркировки когнитивной установки субъекта и его отношения к познанию.

Автор демонстрирует способность последовательно аргументировать и защищать ту или иную точку зрения, однако сознательно избега-

ет окончательной фиксации какой-либо позиции, тем самым подчёркивая установку на рефлексивную дистанцию и открытость интерпретациям: *Je sçay bien soustenir une opinion, mais non pas la choisir // Я умею отстаивать определенные взгляды, но выбирать их — к этому я не пригоден [Там же].* В этой когнитивной установке прослеживается концепция *époque* (от греч. *ἐποχή* — остановка, прекращение), которая в философии обозначает воздержание от суждения как сознательно выбранный метод мышления. Этот познавательный подход проявляется в постоянном колебании между разными точками зрения: вместо отказа от понимания происходит принятие собственного незнания и отказ от принятия позиции [Dortier, 2018, p. 62—63]. Сам автор следующим образом определяет данный познавательный концепт: *...epecho, c'est à dire je soutiens, je ne bouge // ...я воздерживаюсь, я не склоняюсь ни в ту, ни в другую сторону [Монтень, 2015].*

Аргументативная насыщенность текста «Опытов» подтверждается наличием коннекторов — вводных конструкций, служащих для интеграции субъективного мнения, примера или аргумента: *or* (таким образом), *de moy* (по моему мнению); *j'advoue qu'il se peut* (допускаю); *me semble que* (считаю); *il peut estre aussi que* (может быть); *et trouve et voy bien* (я считаю и вижу, что). Предикаты речемыслительной деятельности в сочетании с субъектным местоимением позволяют вербализовать позицию автора, фиксируя его участие в процессе рассуждения и аргументации, а также маркируя субъективную модальность высказывания и различную степень эпистемической уверенности: *je cogneux / considere / croye / pense / presuppose / treuve / diray*. При этом автор подчеркивает свою приверженность эмпирическому знанию, основанному на опыте, и отказ от умозрительных философских заключений: *Moy, sçay bien que cette cause ne me touche pas, et le sçay non par argument, mais par necessaire experience // Что до меня, то я хорошо знаю, что это объяснение на меня отнюдь не распространяется, и я знаю это не умозрительно, а по своему личному опыту [Там же].*

Переходя к используемым автором аргументативным приемам, отметим *экземплификацию* — «вид аргумента в пользу доказываемого тезиса, иллюстрирующий применимость тезиса к конкретному случаю из имеющегося множества таких случаев» [Баранов, 2023, с. 260]. Экземплификация предполагает наличие и перечисление множества примеров, что служит для объективного подтверждения верности идеи. В рамках экземплификации как элемента тезисно-аргументативной структуры эссе происходит актуализация прагматических и дискурсивных стратегий автора за счет «расширения объема и количества экстралингвистических параметров, принимаемых во внимание при интерпретации» [Сулейманова и др., 2024, с. 924].

О важности примеров в композиции «Опытов» свидетельствует то, что автор использует *экземплификаторы*, маркирующие введение языковых иллюстраций: *Mais venons aux exemples* // Перейдем к примерам; *Il faut que j'en conte quelques exemples* // Я хочу привести несколько примеров [Монтень, 2015]. Экземплификаторы также используются в сочетании со структурами диалогичности, посредством которых автор приглашает читателя к совместному размышлению. В частности, представлены повествовательные конструкции с выраженной адресацией: *...je vous donne à penser* // ...предоставляю вам поразмыслить; императивы: *Regardez un peu comment s'en porte nostre experience* // Обратитесь на миг к показаниям вашего опыта; риторические вопросы: *Vous en plaict-il un exemple?* // Желаете пример? [Там же]. В исследовании рецепции «Опытов» в XVII веке показано, что адресант является, по замыслу М. Монтеня, благородным человеком знатного происхождения и хорошего воспитания, эрудированным и настойчивым читателем, внимательным к развитию авторских идей [Volpilhas, 2016]. Представлены оценочные конструкции, подчеркивающие важность, значимость отобранных автором примеров для аргументации собственных идей: *un merveilleux exemple* (поразительный пример); *notable exemple* (наглядный пример). Используя представленные коннекторы-экземплификаторы, автор может воздействовать на интеллектуальные и эмоциональные механизмы читателя с целью убеждения.

Текстологической особенностью «Опытов» является прием «нанизывания примеров», то есть перечисления десятков примером и иллюстраций, аналогичных по своей синтаксической структуре и сходных по семантическому значению. Например, в Кн. I Гл. 20 представлено 19 примеров конкретных исторических персоналий и случившихся с ними трагических смертей, что служит экземплификацией тезиса автора о том, что для человека невозможно не думать о смерти.

Аналогичная аргументативная тактика представлена в Кн. II Гл. 12, посвященной различиям между представителями различных культур, этносов и традиций (49 примеров). Примером тактики «нанизывания» служит также фрагмент Кн. II Гл. 12, который представляет собой обзор философской литературы и перечисление различных концепций Бога (32 примера). Подтверждением валидности аргумента через экземплификацию служит указание на множественность подобных и взаимозаменяемых примеров: *Cette experience se diversifie en mille exemples* // Тысячи примеров подтверждают это [Монтень, 2015]. Аргументация через пример, а не через абстрактное умозаключение позволяет М. Монтеню избегать системности и теоретизации, так как вместо формальной логики он использует рассуждение на эмпирической основе. Исходя из этого, автор указывает на достоверность,

правильность и реальность своих примеров как основы рефлексии и аргументации: *Aux exemples que je tire ceans, de ce que j'ay oui, fait ou dict, je me suis defendu d'oser alterer jusques aux plus legeres et inutiles circonstances* // В примерах, мною здесь приводимых и почерпнутых из всего того, что мне довелось слышать, самому совершить или сказать, я не позволил себе изменить ни малейшей подробности [Там же].

Вторым ключевым аргументативным приемом является апелляция к авторитету через интертекстуальные элементы. Около 3000 прямых и косвенных ссылок, цитат, аллюзий и реминисценций на тексты и идеи авторов Античности и Средневековья становятся текстообразующим элементом «Опытов» как рефлексивного жанра, который Ж. Женетт описывает как «беседу со всем миром предшествующей культуры» [Женетт, 1998, с. 157]. Например, косвенная аллюзия на персоналию Демокрита, то есть имплицитная апелляция к авторитету, служит подтверждением авторского тезиса о важности чувственного (визуального) наслаждения: *Autant en opina des yeux celui qui se les creva* // Поэтому великий философ выколол себе глаза [Монтень, 2015]. Косвенная ссылка позволяет реализовать прием аргументации через чужое слово, позволяя подчеркнуть весомость и авторитет идей античных мыслителей: *Tout cecy me fait souvenir de ces anciennes opinions... et de ce que tiennent les Stoiciens* // Все это вызывает у меня в памяти мнение древних ... припоминается мне и положение стоиков [Там же].

Пример использования прямой цитаты без указания автора (Корнелий Непот) как подтверждение своей позиции в отношении непредсказуемости судьбы представлен в заключении Кн. I Гл. 42: *Ce verset ancien que je trouve singulierement beau à ce propos: **Mores cuique sui fingunt fortunam***» // Кратким изречением одного древнего автора, поразительно, на мой взгляд, подходящим для данного случая: *Наша судьба зависит от наших нравов* [Там же]. Цитата-вывод сопровождается комментарием ценностного значения, в котором указывается на уместность и значимость данной цитаты. Представлена прямая эксплицитная апелляция к персоналии Цезаря, подчеркивающая правильность аргумента на основании правоты авторитета: *Tout ainsi que j'ay essayé en plusieurs autres occurrences ce que dit Cesar*» // Убедившись на многих примерах в справедливости замечания Цезаря; *Si Caesar l'a osé dire, ce ne m'est plus lacheté de le croire*» // Если сам Цезарь решился высказать такое суждение, то и мне не зазорно признаться, что я думаю так же [Там же]. М. Монтень добивается усиления аргументации посредством чужого слова, используя, например, суждения Плутарха, так как имеют большую значимость, чем его собственные: *...je des-roberay icy les mots mesmes de Plutarque, qui valent mieux que les miens* // Здесь я приведу собственные слова Плутарха, которые стоят больше моих [Там же].

Для подтверждения правильности суждения используется аргумент в сочетании с цитатой из Цицерона с метафорическим элементом: тем самым закрепляется идея автора о знании как оружии и разуме как руке, его держащей: *C'est un dangereux glaive, et qui empesche et offence son maistre, s'il est en main foible et qui n'en sçache l'usage, ut fuerit melius non didicisse* // Знания, — обоюдоострое оружие, которое только обременяет и может поранить своего хозяина, если рука, которая держит его, слаба и плохо умеет им пользоваться: *Так что было бы лучше совсем не учиться* [Там же]. В подкрепление собственной идеи М. Монтень приводит в качестве аргумента прямую цитату Горация: *Nostre mal nous tient en l'ame: or elle ne se peut échaper à elle mesme, In culpa est animus qui se non effugit unquam* // Зло засело в нашей душе, а она не в состоянии бежать от себя самой [Там же]. Приводя в поддержку собственной мысли стих Горация, почти дословно передающий идею самого М. Монтеня, автор не только усиливает аргументацию, но и создает эффект резюмирования: авторитетное изречение классика древности становится финальной точкой рефлексии, придавая его позиции завершённость, вес и убедительность.

Наконец, эффективным аргументативным средством является такой интертекстуальный элемент, как поговорка, поскольку она апеллирует к коллективной мудрости, подкрепляя позицию автора авторитетом традиции. Ее образность, лаконичность и эмоциональная насыщенность делают аргумент более убедительным. В исследуемом тексте использована гасконская поговорка, свидетельствующая о том, что аргумент автора созвучен с народной мудростью его родного региона: *Comme sur mon propos le proverbe Gascon est-il delicat: Bouha prou bouha, mas a remuda lous ditz qu'em* // Как хороша и как подходит к предмету моего рассуждения следующая гасконская поговорка: *Все дуть да дуть, но нужно же и пальцами перебирать* [Там же].

Наряду с поговоркой в тексте «Опытов» нетривиально представлены своего рода прибаутки — шуточные приговорочные выражения, вставляемые в окончании аргументативного фрагмента с целью создания комического эффекта. Используемый в произведении литературы идей сатирический регистр позволяет привлечь внимание адресата к более последовательной предшествующей аргументации, а также высветить и высмеять противоречия между критической авторской позицией и общепринятым мнением. В частности, глава Кн. I Гл. 31 посвящена размышлениям о культуре и нравах представителей различных индейских племен в сопоставлении с европейской цивилизацией. М. Монтень выражает идею культурного релятивизма и восхищается чистыми, добродетельными нравами и искусными традициями индейцев, однако в завершении главы прибегает

к ироничной, саркастичной оценке: *Tout cela ne va pas trop mal: mais quoy, ils ne portent point de haut de chausses* // Все это не так уже плохо. Но помылите, они не носят штанов! [Там же]. Аналогичного комического эффекта в рамках аргументации автору позволяют добиться ироничные присказки, введенные выражением со значением общего мнения: *C'est ce qu'on dict: Chier dans le panier pour apres le mettre sur sa teste* // Не что иное, как сперва нагадить в корзину, а вслед за тем водрузить ее себе на голову [Там же]. Часто такие сатирические элементы концентрируются в заключении главы, оформленном по принципу *chute* (фр.) — приёма неожиданной развязки или обрыва, который нарушает логическую структуру текста, формируя своеобразную игру с аргументацией.

Важно отметить, что, опираясь на аргументацию через ссылку на авторитет, М. Монтень может представлять свою идею не только как продолжение или подкрепление идеи другого автора, но и как его оппозицию, аргументируя либо за, либо против. Создаваемый таким образом «конфликт идей», по выражению Ж. Женетта, свойственен литературе идей, в которой автор непрерывно сталкивается с голосами других авторов, чьи позиции выступают опорой для построения собственной рефлексии [Женетт, 1998, с. 157]. В частности, в тексте представлены конструкции выражения согласия и одобрения, транслирующие общность и схожесть аргументов: *Celuy là s'y entendoit, ce me semble, qui dict* // Тот, кто сказал [Эразм Роттердамский]... поистине знал толк в этих делах; *car je dy, comme ce mesme Epicurus* // ...я согласен с тем же Эпикуром); *C'est, à l'advis de Socrates, et au mien aussi* // Я полагаю, — и в этом я могу опереться на Сократа [Монтень, 2015].

В то же время представлен аргумент через эксплицитное отрицание мнения античных авторов: *Je ne suy pas la secte de Pythagoras* // Я не разделяю взгляда приверженцев Пифагора; *Et le conseil de Platon ne me plaist pas* // Я никоим образом не одобряю совета Платона [Там же]. М. Монтень ярко демонстрирует свое несогласие с позицией Фаворина, используя предикат со значением ненависти к идее, неприятия мнения: *...hay l'opinion de Favorinus* // ...не согласен с мнением Фаворина [Там же]. Отрицание чужого мнения как аргументативная тактика становится эффективным благодаря использованию оценочных языковых средств с негативной семантикой, которые подчеркивают абсурдность и глупость приведенных идей других авторов:

(19) *Voilà un bon mot et un utile desir; mais pareillement absurde* // Это хорошее изречение и полезное пожелание [Сенеки], но вместе с тем оно нелепо [Там же];

(20) *J'ay quelque opinion de l'envers de cette sentence* // Я считаю справедливой и изнанку этого изречения [Эпикура] [Там же].

4. Заключение = Conclusions

В контексте современного повышенного интереса к трансдискурсивным жанрам и прагматике выражения идей в художественном тексте проведенное исследование позволяет выделить специфические лингвистические маркеры, характерные для текста литературы идей, к которой относим «Опыты» М. Монтеня. Предпринятая попытка формализации понятийного аппарата данного направления приводит к заключению о том, что литература идей представляет собой особый тип дискурса, в котором ключевую роль играют идея, ее концептуализация и аргументация.

«Опыты» М. Монтеня демонстрируют признаки рефлексивного дискурса, где субъект высказывания активно осмысляет ключевые онтологические концепты эпохи: MORT, HOMME, RAISON, SAVOIR, VÉRITÉ и др., которые переходят в разряд эссе — субъективированных форм концептов, отражающих ценностные установки автора. Выявлены и проиллюстрированы характерные особенности текстовой модальности: тезисность, афористичность, аргументативность и интертекстуальность, которые позволяют автору сформировать структуру когнитивного конфликта идей. Аргументативные стратегии автора XVI века включают экземплификацию, цитацию, ссылку на авторитетное мнение и паремийные структуры, которые задают типологические параметры философско-рефлексивного дискурса. Указанные приемы становятся устойчивыми средствами организации авторской рефлексии и в настоящее время закрепились в традиции философского, эссеистического и аргументативного письма.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Монтень М. де. Опыты. Полное издание в одном томе / М. де Монтень ; пер. с фр. Ф. Коган-Бернштейн, Н. Рыкова, А. Бобович ; ред. Е. Варганова ; илл. Г. Доре. — Москва : Эксмо, 2015. — 1216 с. — ISBN 978-5-699-78727-2.
2. MonLOE — *MONtaigne à L'Euvre* [Electronic resource]. — Access mode : www.lib.uchicago.edu/efts/ARTFL/projects/montaigne/ (accessed 16.07.2025).

Литература

1. Авраменко В. И. Роман на стыке философии и литературы / В. И. Авраменко // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1 : Филология. — 2021. — № 3 (112). — С. 118—124.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста : теория и практика / А. Н. Баранов. — Москва : Флинта : Наука, 2023. — 592 с. — ISBN 978-5-9765-0083-9.
3. Викулова Л. Г. Полифункциональность как свойство фундаментальных глаголов / Л. Г. Викулова, О. А. Дубнякова, Э. М. Рянская, Е. Ф. Серебrenникова // Обу-

чение французскому и русскому языкам как иностранным : ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ. — Москва : ООО "Языки Народов Мира" Тезаурус, 2018. — С. 25—42.

4. *Ефимова Л. Н.* Жанровые особенности романа К. С. Льюиса "Космическая трилогия" / Л. Н. Ефимова, Н. А. Шехирева // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. — 2017. — № 4 (94). — С. 184—188.

5. *Ефимова Л. Н.* Поэтика жанров научной фантастики и фэнтези в романе К. С. Льюиса "Космическая трилогия" / Л. Н. Ефимова, Е. В. Александрова, Е. А. Самохина // Наука в современном информационном обществе. — North Charleston : CreateSpace, 2018. — Т. 2. — С. 82—88.

6. *Женетт Ж.* Фигуры. В 2-х томах / Ж. Женетт ; пер. с фр. Е. Васильевой и др. — Москва : Издательство им. Сабашниковых, 1998. — Т. 1. — 472 с. — ISBN 5-8242-0064-5.

7. *Иванов О. Б.* Поэтико-функциональные особенности эссеистического текста / О. Б. Иванов. — Ростов-на-Дону : АкадемЛит, 2017. — 98 с. — ISBN 978-8-904067-20-7.

8. *Камнев В. М.* Русский разговор и идея человека в творчестве Ф. М. Достоевского / В. М. Камнев // Я. (А. Слинин) и Мы : к 70-летию профессора Я. А. Слинина. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. — С. 197—227.

9. *Кожевников Н. Н.* Философский взгляд на научную фантастику и фантазийные жанры / Н. Н. Кожевников, В. С. Данилова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия : Педагогика. Психология. Философия. — 2017. — № 4 (08). — С. 129—137.

10. *Нарциссова С. Ю.* Мышление : феноменология процесса / С. Ю. Нарциссова, В. П. Сиротин. — 6-е издание, переработанное и дополненное. — Москва : Международный независимый эколого-политологический университет, 2022. — 270 с.

11. *Сулейманова О. А.* Дискурсивный анализ и прагматика : возможно ли провести границу? / О. А. Сулейманова, Л. А. Борботько // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2024. — Т. 21. — № 4. — С. 919—929. — DOI: 10.21638/spbu09.2024.409.

12. *Фанян Н. Ю.* Этика дискурса (аргументативный аспект) / Н. Ю. Фанян // Общество : философия, история, культура. — 2016. — № 8. — С. 9—11.

13. *Философия* : Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. — Москва : Гардарики, 2004. — 1072 с. — ISBN 5-8297-0050-6.

14. *Эпштейн М. Н.* На перекрестке образа и понятия : эссеизм в литературе Нового времени / М. Н. Эпштейн // Парадоксы новизны. — Москва : Советский писатель, 1988. — 210 с. — ISBN 5-265-00166-2.

15. *Costentin C.* L'argumentation dans le discours. Discours politique, littérature d'idées, fiction / C. Costentin, R. Amossy // L'Information Grammaticale. — 2003. — № 98. — Pp. 60.

16. *Dortier J.-F.* Michel de Montaigne : Le savoir sceptique / J.-F. Dortier // De Socrate à Foucault. Les philosophes au banc d'essai. — Paris : Éditions Sciences Humaines, 2018. — Pp. 61—68.

17. *Dubois F.-R.* Sous les classiques, la page : le XVIIe siècle dans De cape et de crocs / F.-R. Dubois // Littératures classiques. — 2016. — № 91. — Pp. 141—150. — DOI: 10.3917/licla1.091.0141.

18. *Genette G.* Figures III / G. Genette. — Paris : Éditions du Seuil, 1972. — 428 p. — ISBN 9782020020398.

19. *Genette G.* Introduction à l'architecte / G. Genette. — Paris : Éditions du Seuil, 1979. — 89 p. — ISBN 2020053101.

20. *Gilks M. Science Fiction : The Literature of Ideas* [Electronic resource] / M. Gilks, P. Fleming, M. Allen. — 2003. — Access mode : <https://www.writing-world.com/sf/sf.shtml/> (accessed 16.07.2025).

21. *Gray F. Réflexions Inédites d'Albert Thibaudet Sur La Formation d'une Littérature d'idées En France* / F. Grey, A. Thibaudet // *Revue d'Histoire Littéraire de La France*. — 1994. — Vol. 94. — № 2. — Pp. 179—197.

22. *Leavitt D. B. Speculative Approaches to Consciousness in Science Fiction* / D. B. Leavitt // *Metaphors of Consciousness*. — Boston : Springer, 1989. — Pp. 395—415.

23. *Lotterie F. Madame de Staël. La littérature comme « philosophie sensible* / F. Lotterie // *Romantisme*. — 2004. — № 124. — Pp. 19—30. — DOI: 10.3406/roman.2004.1254.

24. *Tivyayeva I. Time, memory and retrospection in works of fiction* / I. Tivyayeva // *Time and culture in linguistic and literary discourse*. — Москва : Принтика, 2021. — Pp. 173—177.

25. *Volpilhac A. Montaigne le « barbare : la crise de la lisibilité des Essais au XVIIe siècle* / A. Volpilhac // *Fabula-LhT*. — 2016. — № 16. — Pp. 395—415. — DOI: 10.58282/lht.1625.

*Статья поступила в редакцию 10.08.2025,
одобрена после рецензирования 21.10.2025,
подготовлена к публикации 18.01.2026.*

Material resources

MonLOE — *MONtaigne à L'Œuvre*. Available at: www.lib.uchicago.edu/efts/ARTFL/projects/montaigne/ (accessed 16.07.2025). (In French).

Montaigne, M de. (2015). *Experiments. Complete edition in one volume*. Moscow: Eksmo. 1216 p. ISBN 978-5-699-78727-2. (In Russ.).

References

Avramenko, V. I. (2021). Novel at the junction of philosophy and literature. *Bulletin of the Minsk State Linguistic University. Series 1: Philology*, 3 (112): 118—124. (In Russ.).

Baranov, A. N. (2023). *Linguistic examination of the text: theory and practice*. Moscow: Flint: Nauka. 592 p. ISBN 978-5-9765-0083-9. (In Russ.).

Costentin, C., Amossy, R. (2003). L'argumentation dans le discours. Discours politique, littérature d'idées, fiction. *L'Information Grammaticale*, 98: P. 60. (In French).

Dortier, J.-F. (2018). Michel de Montaigne: Le savoir sceptique. In: *De Socrate à Foucault. Les philosophes au banc d'essai*. Paris: Éditions Sciences Humaines. 61—68. (In French).

Dubois, F.-R. (2016). Sous les classiques, la page: le XVIIe siècle dans De cape et de crocs. *Littératures classiques*, 91: 141—150. DOI: 10.3917/licla1.091.0141. (In French).

Efimova, L. N., Alexandrova, E. V., Samokhina, E. A. (2018). Poetics of science fiction and fantasy genres in C. S. Lewis's novel "The Space Trilogy". In: *Science in the modern Information Society*, 2. North Charleston: CreateSpace. 82—88. (In Russ.).

Efimova, L. N., Shekhireva, N. A. (2017). Genre features of C. S. Lewis's novel "The Space Trilogy". *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*, 4 (94): 184—188. (In Russ.).

Epstein, M. N. (1988). At the crossroads of images and concepts: essayism in Modern Literature. In: *Paradoxes of Novelty*. Moscow: Soviet Writer. 210 p. ISBN 5-265-00166-2. (In Russ.).

- Fanyan, N. Y. (2016). Ethics of discourse (argumentative aspect). *Society: philosophy, history, culture*, 8: 9—11. (In Russ.).
- Genette, G. (1972). *Figures III*. Paris: Éditions du Seuil. 428 p. ISBN 9782020020398. (In French).
- Genette, G. (1979). *Introduction à l'architexte*. Paris: Éditions du Seuil. 89 p. ISBN 2020053101. (In French).
- Genette, J. (1998). *Shapes. In 2 volumes, 1*. Moscow: Publishing House named after Sabashnikov. 472 p. ISBN 5-8242-0064-5. (In Russ.).
- Gilks, M. (2003). *Science Fiction: The Literature of Ideas*. Available at: <https://www.writing-world.com/sf/sf.shtml/> (accessed 16.07.2025).
- Gray, F., Thibaudet, A. (1994). Réflexions Inédites d'Albert Thibaudet Sur La Formation d'une Littérature d'idées En France. *Revue d'Histoire Littéraire de La France*, 94 (2): 179—197. (In French).
- Ivanov, O. B. (2017). *Poetical and functional features of the essayistic text*. Rostov-on-Don: AkademLit. 98 p. ISBN 978-8-904067-20-7. (In Russ.).
- Ivin, A. A. (ed.). (2004). *Philosophy: An encyclopedic dictionary*. Moscow: Gardariki. 1072 p. ISBN 5-8297-0050-6. (In Russ.).
- Kamnev, V. M. (2002). Russian conversation and the idea of man in the works of F. M. Dostoevsky. In: Ya. (A. Slinin) and We: on the 70th anniversary of Professor Ya. A. Slinin. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society. 197—227. (In Russ.).
- Kozhevnikov, N. N., Danilova, V. S. (2017). A philosophical view of science fiction and fantasy genres. *Bulletin of the Northeastern Federal University named after M. K. Amosov. Series: Pedagogy. Psychology. Philosophy*, 4 (08): 129—137. (In Russ.).
- Leavitt, D. B. (1989). Speculative Approaches to Consciousness in Science Fiction. In: *Metaphors of Consciousness*. Boston: Springer. 395—415.
- Lotterie, F. (2004). Madame de Staël. La littérature comme « philosophie sensible. *Romantisme*, 124: 19—30. DOI: 10.3406/roman.2004.1254. (In French).
- Narcissova, S. Y. (2022). *Thinking: the phenomenology of the process*. Moscow: International Independent Ecological and Political Science University. 270 p. (In Russ.).
- Suleymanova, O. A., Borbotko, L. A. (2024). Discursive analysis and pragmatics: is it possible to draw a line? *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature*, 21 (4): 919—929. DOI: 10.21638/spbu09.2024.409. (In Russ.).
- Tivyaeva, I. (2021). Time, memory and retrospection in works of fiction. In: *Time and culture in linguistic and literary discourse*. Moscow: Printika. 173—177.
- Vikulova, L. G., Dubnyakova, O. A., Ryanskaya, E. M., Serebrennikova, E. F. (2018). Polyfunctionality as a property of fundamental verbs. In: *Teaching French and Russian as foreign languages: LINGUISTIC AND DIDACTIC ASPECTS*. Moscow: Languages of the Peoples of the World, Thesaurus. 25—42. (In Russ.).
- Volpilhac, A. (2016). Montaigne le « barbare: la crise de la lisibilité des Essais au XVIIe siècle. *Fabula-LhT*, 16: 395—415. DOI: 10.58282/lht.1625. (In French).

*The article was submitted 10.08.2025;
approved after reviewing 21.10.2025;
accepted for publication 18.01.2026.*